

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**КАМЕННЫЙ ВЕК И НАЧАЛО ЭПОХИ
РАННЕГО МЕТАЛЛА**

**М.Ш. Галимова, А.В. Лыганов, А.А. Хисьяметдинова, А.А. Гольева,
Д.Г. Бугров, И.В. Аськеев, Д.Н. Шаймуратова (Галимова), О.В. Аськеев,
М.Т. Хейно, А.О. Аськеев, Т. ван дер Валк, П. Печнерова, Л. Дален,
И. Аспи**

**ПЕСТРЕЧИНСКИЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА И
РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ И ИХ
ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ**

**№ 4
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№4 2019

УДК 902/904 903–4 551.8
561 561/569 574.9 574.9

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института археологии им.А.Х.Халикова
Академии наук Республики Татарстан*

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редактор:
канд. ист. наук М.Ш. Галимова

Рецензенты:
канд. ист.наук. А.А. Чижевский, канд.ист.наук Н.С. Березина
Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); Авербух А., д-р, (Париж, Франция); Афонсо Марреро Х.А., проф. (Гранада, Испания); Бороффка Н., д-р, проф. (Берлин, Германия); Виноградов Н.Б., д.и.н., проф. (Челябинск); Канторович А.Р., д.и.н., проф., (Москва); Кожокару В., д-р хабилитат (Яссы, Румыния); Напольских В.В., д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); Скакун Н.Н., к.и.н. (Санкт-Петербург); Франсуа В., д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); Хайрутдинов Р.Р., к.и.н. (Казань); Черных Е.Н., д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); Шуньков М.В., д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); Янхунен Ю., д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Бессуднов А. Н., к.и.н., доц. (Липецк); Галимова М. Ш., к.и.н. (Казань); Жилин М. Г., д.и.н. (Москва); Колесник А. В., д.и.н., проф. (Донецк); Королев А. И., к.и.н., доц. (Самара); Мартинез Фернандез Г., д-р, проф. (Гранада, Испания); Мосин В. С., д.и.н., проф. (Челябинск); Павлик А., д-р, проф. (Кесон-Сити, Филиппины); Разгильдеева И. И., к.и.н., доц. (Чита); Чаиркина Н. М., д.и.н. (Екатеринбург).

Галимова М.Ш., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Гольева А.А., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В., Хейно М.Т., Аськеев А.О., ван дер Валк Т., Печнерова П., Дален Л., Аспи Й.

Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение. Казань, 2019. 276 с.

В работе представлены результаты изучения археологических и естественнонаучных материалов, полученных в ходе раскопок двух опорных первобытных памятников правобережья низовий Камы – Пестречинских IV и II стоянок. В главах анализируются данные археологического, геолого-геоморфологического, почвенного и микробиоморфного изучения стоянок, а также археозоологического изучения многочисленных костных остатков из раскопок и генетического исследования остатков северного оленя из Пестречинской II стоянки. Изучены поликультурный керамический материал и каменный инвентарь рассматриваемых памятников. Результаты работы междисциплинарного коллектива авторов позволяют «пролить свет» на жизнедеятельность первобытных коллективов Пестречинских стоянок и реконструировать их природное окружение в периоды позднего энеолита, позднего бронзового и раннего железного веков.

Издание адресовано широкому кругу специалистов по археологии и ряду отраслей естественных наук, в сферу научных интересов которых входит первобытная эпоха и палеогеография голоцена европейской части России.

ISBN 978-5-98946-313-8

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeosteppe@gmail.com
https://www.evrzstep.ru

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»
Агентство "Роспечать"
Выход 6 раз в год

© ООО «Поволжская археология», 2019
© Академия наук Республики Татарстан, 2019
© Журнал «Археология евразийских степей», 2019
© Коллектив авторов, 2019

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 4 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
 Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova**

Reviewer:

Candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**,
 Candidate of Historical Sciences **Natalia S. Berezina**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunnen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Bessudnov Alexander N., Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Lipetsk); **Galimova Madina Sh.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Zhilin Mikhail G.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Kolesnik Alexander V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Donetsk, Ukraine); **Korolev Arkady I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Samara); **Martínez Fernández Gabriel**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Mosin Vadim S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Pawlik Alfred**, PhD, Associate Prof. (Quezon-City, Philippines); **Razgildeeva Irina I.**, Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. (Chita); **Chairkina Natalia M.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg).

Galimova Madina Sh., Lyganov Anton V., Khisiametdinova Asia A., Golyeva Alexandra A., Bugrov Dmitry G., Askeyev Igor V., Shaymuratova (Galimova) Dilyara N., Askeyev Oleg V., Heino Matti T., Askeyev Arthur O., van der Valk Tom, Pečnerova Patrícia, Dalén Love, Aspi Jouni.

The Pestretsy sites of the Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages in the Lower Kama Region and their natural environment. Kazan, 2019. 276 p.

ISBN 978-5-98946-313-8

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeosteps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

КАМЕННЫЙ ВЕК И НАЧАЛО ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

СОДЕРЖАНИЕ

**М.Ш. Галимова, А.В. Лыганов, А.А. Хисьяметдинова, А.А. Гольева,
Д.Г. Бугров, И.В. Аськеев, Д.Н. Шаймуратова (Галимова), О.В. Аськеев,
М.Т. Хейно, А.О. Аськеев, Т. ван дер Валк, П. Печнерова, Л. Дален,
Й. Аспи**

Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение

Предисловие (М.Ш. Галимова, А.В. Лыганов, Д.Г. Бугров (Казань, Россия))	14
Глава 1. Пестречинская IV и II стоянки на р. Меша: стратиграфия, планиграфия, результаты раскопок (М.Ш. Галимова, А.В. Лыганов (Казань, Россия))	35
1.1. Пестречинская IV стоянка: раскопы 2009 г.	35
1.2. Пестречинская II стоянка: раскоп 2011 г.	40
1.3. Пестречинская II стоянка: раскоп 2013 г.	46
Глава 2. Природное окружение Пестречинских стоянок по результатам геолого-геоморфологических исследований (А.А. Хисьяметдинова (Казань, Россия))	92
2.1. Общая геолого – геоморфологическая характеристика района Пестречинских стоянок ...	93
2.2. Рельеф, стратиграфия и палеогеография Пестречинской IV стоянки	97
2.3. Рельеф, стратиграфия и палеогеография Пестречинской II стоянки ...	105
2.4. Общие закономерности развития природы в районе Пестречинских стоянок	111
Глава 3. Определение генезиса литологических и культурных слоев Пестречинских стоянок на р. Меша по результатам почвенных и микробиоморфного анализов (А.А. Гольева (Москва, Россия))	141
3.1. Методика исследований ...	141
3.2. Пестречинская IV стоянка	142
3.3. Пестречинская II стоянка ...	146
Глава 4. Результаты археозоологического изучения Пестречинских II и IV стоянок на р. Меша (И.В. Аськеев, Д.Н. Шаймуратова (Галимова), О.В. Аськеев (Казань, Россия))	159
Глава 5. 4000-year-old reindeer mitogenomes from the Volga-Kama region reveal continuity among the forest reindeer in northeastern part of European Russia (Matti T. Heino (Oulu, Finland), Igor V. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Dilyara N. Shaymuratova (Galimova) (Kazan, Russian Federation), Oleg V. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Arthur O. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Tom van der Valk (Uppsala, Sweden), Patricia Pečnerová (Copenhagen, Denmark), Love Dalén (Stockholm, Sweden), Jouni Aspi (Oulu, Finland))	179
Глава 6. Вещественный материал и хронология стоянок Пестречинских IV и II стоянок	191
6.1. Находки эпохи энеолита (А.В. Лыганов (Казань, Россия))	191
6.2. Находки позднего бронзового века (А.В. Лыганов (Казань, Россия))	194
6.3. Находки раннего железного века (А.В. Лыганов, Д.Г. Бугров (Казань, Россия)) ...	201
Глава 7. Каменный инвентарь Пестречинских IV и II стоянок (М.Ш. Галимова (Казань, Россия))	233
7.1. Каменный инвентарь Пестречинской IV стоянки	233
7.2. Каменный инвентарь Пестречинской II стоянки	236

Глава 8. Отрасли хозяйства населения Нижнего Прикамья в позднем энеолите и в начале позднего бронзового века (по материалам Пестречинских стоянок) (А.В. Лыганов, М.Ш. Галимова (Казань, Россия))	259
Библиография	264
Сведения об авторах	275

ПУБЛИКАЦИИ

Жилин М.Г. (Москва, Россия) Подвески из кости в мезолите лесной зоны Восточной Европы	278
Новиков А.В. (Кострома, Россия) Керамика поселения Говядиново (из исследований В.И. Смирнова, 1925-1926, 1928 гг.)	291
Иванов В.А. (Уфа, Россия) Ананьинская культура шнуровой керамики (АКШК) как компонент ананьинской культурно-исторической области (АКИО):проблема соотношения	317
Список сокращений	338

STONE AGE AND CHALCOLITHIC

CONTENS

Madina Sh. Galimova, Anton V. Lyganov, Asia A. Khisiametdinova, Alessandra A. Golyeva, Dmitry G. Bugrov, Igor V. Askeyev, Dilyara N. Shaymuratova (Galimova), Oleg V. Askeyev, Matti T. Heino, Arthur O. Askeyev, Tom van der Valk, Patrícia Pečnerová, Love Dalén, Jouni Aspi

The Pestretsy sites of the Eneolithic, Bronze and Early Iron Ages in the Lower Kama Region and their natural environment

Foreword (Madina.Sh. Galimova, AntonV. Lyganov, Dmitry G. Bugrov (Kazan, Russian Federation))	14
Chapter 1. The sites Pestretsy IV and II on the river Mesha: stratigraphy, spatial data, excavation results (Anton V. Lyganov, Madina Sh. Galimova, (Kazan, Russian Federation))	35
1.1. The Pestretsy IV site: excavation 2009	35
1.2 The Pestretsy IV site: excavation 2011	40
1.3. The Pestretsy II site: excavation 2013	46
Chapter 2. The natural environment of the Pestretsy sites according to the results of geological and geomorphological studies (Asia A. Khisiametdinova (Kazan, Russian Federation))	92
2.1. General geological and geomorphological characteristics of the area Pestretsy sites	93
2.2. Relief, stratigraphy and paleogeography of the site Pestretsy IV	97
2.3. Relief, stratigraphy and paleogeography of the site Pestretsy II	105
2.4. General regularities of nature development in the area of the Pestretsy sites	111
Chapter 3. Genesis of the lithological and cultural layers the Pestretsy II and IV sites on the river Mesha according to the results of soil and micro-biomorphic analyses (Alessandra A. Golyeva (Moscow, Russian Federation))	141
3.1. Research methods	141
3.2. The Pestretsy IV site	142
3.3. The Pestretsy II site	146
Chapter 4. Results of the archaeozoological study the sites Pestretsy II and IV on the Mesha river (Igor V. Askeyev, Dilyara N. Shaymuratova (Galimova), Oleg V. Askeyev (Kazan, Russian Federation))	159
Chapter 5. 4000-year-old reindeer mitogenomes from the Volga-Kama region reveal continuity among the forest reindeer in northeastern part of European Russia (Matti T. Heino (Oulu, Finland), Igor V. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Dilyara N. Shaymuratova (Galimova) (Kazan, Russian Federation), Oleg V. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Arthur O. Askeyev (Kazan, Russian Federation), Tom van der Valk (Uppsala, Sweden), Patrícia Pečnerová (Copenhagen, Denmark), Love Dalén (Stockholm, Sweden), Jouni Aspi (Oulu, Finland))	179
Chapter 6. Artefacts and chronology of the sites Pestretsy IV and II	191
6.1. Findings of the Eneolithic (Anton V. Lyganov (Kazan, Russian Federation))	191
6.2. Findings of the Late Bronze Age (Anton V. Lyganov (Kazan, Russian Federation))	194
6.3. Findings of the Early Iron Age (Anton V. Lyganov, Dmitry G. Bugrov (Kazan, Russian Federation))	201
Chapter 7. Stone tool-kit of the sites Pestretsy IV and II (Madina Sh. Galimova (Kazan, Russian Federation))	233
7.1. Stone tool-kit of the site Pestretsy IV	233
7.2. Stone tool-kit of the site Pestretsy II	236

Chapter 8. Branches of economy of the Lower Kama population in the late Eneolithic and early Late Bronze Age (based on the Pestretsy sites) (Anton V. Lyganov, Madina Sh. Galimova (<i>Kazan, Russian Federation</i>))	259
Bibliography	264
About the Authors ..	275

PUBLICATIONS

Zhilin M.G. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Pendants made from bone in the Mesolithic of Eastern Europe.....	278
Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Ceramics from the settlement Goviadinovo (according to the studies of V. I. Smirnov, 1925-1926, 1928) ...	291
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) The Ananyino corded ware culture (ACWC) as a component of the Ananyino cultural and historical unity (ACHU): the issue of correlation	317
List of Abbreviations	338

УДК 902/904 903.5 903–4

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ (АКШК) КАК КОМПОНЕНТ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (АКИО): ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

© 2019 г. В.А. Иванов

Автор статьи приводит результаты статистического анализа погребального обряда и керамики ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК), ареал которой – бассейн среднего течения р. Камы. На материале всех известных в настоящее время могильников АКШК (9 могильников, содержащих в общей сложности 585 погребений) приводится описательная статистика погребального обряда. Сравнение статистики признаков погребального обряда АКШК с признаками погребального обряда аозинской культуры и ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики показывает, что они различаются. Аналогичным образом сравнительно-статистический анализ керамики АКШК с керамикой других локальных вариантов ананьинской культурно-исторической области Волго-Камья обнаруживает типологические особенности, заметно отличающие керамику, украшенную ямочным и шнуровым орнаментом («классическую ананьинскую») от керамики памятников Вятки и Нижней Камы. Автором сделан общий вывод о том, что АКШК Среднего Прикамья не имеет генетических связей с ананьинской культурой бассейна Вятки и Нижней Камы.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Среднее Прикамье, ананьинская культура, описательная статистика, керамика, могильник, погребальный обряд.

Вкратце история ананьинской культурно-исторической общности (АКИО) выглядит так: 1858 г. – раскопки П.В. Алабина на Ананьинском могильнике. 1892 г. – выделение П.А. Пономаревым ананьинского периода в археологии добулгарского времени в Прикамье. 1893 г. – выделение А.А. Спицыным ананьинской культуры. В 1930-е гг. А.В. Шмидт уже определенно говорит об ананьинской эпохе в «доистории» народов Прикамья и Урала (Шмидт, 1935, с. 72).

В начале 1950-х гг. А.П. Смирнов, характеризуя эпоху раннего железа в Среднем Поволжье и Прикамье, отнес к ней памятники ананьинской культуры, территорию распространения которой исследователь очерчивал бассейном Средней и Нижней Камы и Волго-Вятско-Ветлужским междуречьем. Бассейн р. Белой, в представлении А.П. Смирнова, находился вне границ этой культуры (Смирнов, 1952, с. 62).

Одновременно А.В. Збруева, также ведя речь об ананьинской культуре, обозначает ее территорию «по берегам Камы и ее притоков – Вятки, Чусовой, Белой, Гаревой, по прилегающим к устью Камы отрезкам Волги и ее притока Утки, а также по берегам Ветлуги» (Збруева, 1952, с. 19). На карте памятников ананьинской культуры, опубликованной А.В. Збруевой, отчетливо прослеживаются

локальные группы памятников, известных на то время. По морфологическим признакам керамики исследователь выделила четыре локальные группы ананьинской культуры – верхнекамскую и чусовскую, вятскую, нижнекамскую и бельскую – и обозначила пятую локальную группу на р. Ветлуге, поддержав тем самым точку зрения О.Н. Бадера по этому вопросу (Збруева, 1952, с. 73; Бадер, Оборин, 1958, с. 107).

Идея о поливариантности ананьинской культуры была поддержана археологами Урало-Поволжского региона, и в 1967 г. В.Ф. Генинг уже ставит вопрос о существовании ананьинской этнической общности Европейского северо-востока (Генинг, Совцова, 1967, с. 55). Против такого подхода возражений не последовало, и в своей монографии, посвященной анализу ананьинских материалов, известных к середине 1970-х гг., А.Х. Халиков вполне определенно говорит об ананьинской общности, состоявшей из девяти локальных вариантов: западновожского, средневожского, нижнекамского I, нижнекамского II, вятского, нижнебельского, среднекамского, верхнекамского и ветлужского (Халиков, 1977, с. 6).

Логическим итогом эволюции понятия «ананьинская культура – общность» явилось понятие «ананьинская культурно-историче-

ская общность/область (АКИО)», введенное С.В. Кузьминых в 1983 г. (Кузьминых, 1983, с. 6–8), и бытующее сейчас как наиболее адекватно и удобно отражающее наше восприятие и понимание этнокультурного пространства Волго-Камья эпохи РЖВ (Кузьминых, Чижевский, 2009).

Отличительной особенностью керамических комплексов памятников, входящих в АКИО, является обязательное наличие сосудов, украшенных оттисками шнура в сочетании с круглыми ямками. Однако в таких различающихся количественных соотношениях, что это дало основание В.Н. Маркову в рамках ананьинской КИО выделить особую ананьинскую культуру шнуровой керамики (АКШК) (Марков, 1994, с. 53–59). Последующие исследования в этом направлении показали, что это было сделано совершенно правильно, поскольку памятники, содержащие только керамику с ямочно-шнуровым орнаментом («классическую ананьинскую») как раз и локализуются в бассейне среднего и отчасти нижнего течения р. Камы, между устьями Чусовой на севере и Вятки на юге, включая и нижнее течение р. Белой (по существующей номенклатуре – среднекамская, нижнекамская II и бельская локальные группы) (Иванов, 2009; 2017). Но именно на этой территории известны большинство могильников и отдельных погребений, содержащих «классическую ямочно-шнуровую керамику» (рис. 1). Таким образом, мы имеем достаточно эмпирических данных для того, чтобы дать морфологическую характеристику АКШК и определить степень ее типологического соотношения с другими «ананьинскими» культурами, составляющими АКИО.

В принципе, описательная статистика погребального обряда АКШК впервые была дана С.Н. Коренюком в его исследовании, посвященном сравнительно-статистическому анализу погребального обряда могильников ананьинского времени Волго-Камья. По материалам Ст. Ахмыловского, Акозинского, Козьмодемьянского могильников Марийского Поволжья (более 1000 погребений)¹, Моркв-

шинского (52 погр.), Тетюшского (70 погр.), Новомордовского I (23 погр.), Измерского VII (20 погр.), Мурзихинских I и II (250 погр.), Гулькинского (13 погр.) в районе устья Камы – всего 428 погр.², Залазнинского, Першинского и Оханского в Среднем Прикамье (320 погр.). Последние как раз и относятся к интересующей нас АКШК. Поскольку основной своей задачей исследователь видел доказательство культурно-типологического единства могильников ананьинского времени Волго-Камья, статистика морфологических признаков АКШК (а локальные группы могильников ананьинского времени Волго-Камья С.Н. Коренюк сравнивает по 135 признакам обряда) дается автором вскользь, собственно, из данных, приведенных автором, мы узнаем только, что на прикамских могильниках известны погребальные конструкции в виде домов мертвых, погребения, совершенные по обряду кремации, преобладающая ориентировка погребенных ногами к реке, более частая, чем в других сравниваемых группах встречаемость погребений с глиняными сосудами (36,3%). Главный вывод, который делает исследователь по результатам сравнительно-статистического анализа погребального обряда могильников ананьинского времени Волго-Камья, заключается в том, что «все они очень близки (коэффициент сходства в целом колеблется от 88,0 до 90,1%) и относятся, несомненно, к одной культуре» (Коренюк, 2000, с. 114–115).

Затем более конкретную описательную статистику погребального обряда могильников АКШК приводит в своем исследовании А.А. Чижевский. Используя материалы 17 могильников, расположенных от устья Камы до устья Чусовой – Мурзихинский I и II, постмаклашеевские, но содержащие по несколько погребений АКШК, Ананьинский, Зуевский, Котловский, Релка, Рысовские I и II, Мензелинский, Подгорно-Байларский, отдельные погребения Луговского могильника, Скородумский, Заозерский и Усть-Очерский могильники (всего 390 погребений)³ – исследователь с высокой степенью достоверности приводит характеристику погребального обряда АКШК, которая сводится к следующе-

¹ По данным, опубликованным А.Х. Халиковым, В.С. Патрушевым и С.В. Большовым, это 963 погребения на Ст. Ахмыловском могильнике, 103 погребения Акозинского и 53 погребения Козьмодемьянского (на острове Мольбищенском) могильников. Итого – 1119 погребений (Патрушев, Халиков, 1982, с. 4; Патрушев, 1984, с. 8–9; Большов, 1988, с. 6–10).

² У С.Н. Коренюка – 255 погр. (Коренюк, 2000, с. 114).

³ Материалы Першинского, Залазнинского и Оханского могильников исследователь не учитывает, т.к. они не опубликованы (Чижевский, 2008, с. 63).

му: захоронения в простых ямах с вертикальными стенками и ровным дном, вытянуто на спине, ногами к реке. Захоронения в основном одиночные; парных и коллективных немногим более 1%. Помимо этого, А.А. Чижевский выделяет второстепенные по частоте встречаемости признаки погребального обряда АКШК: деревянные гробницы (5%), частичные захоронения – черепа (5%), кремация (6%) (Чижевский, 2008, с. 62–64, 70).

Объективно оценить и сопоставить результаты описательной статистики погребального обряда АКШК, полученные С.Н. Коренюком и А.А. Чижевским довольно трудно. Дело в том, что при близких объемах случайных выборок (320 погребений у С.Н. Коренюка и 390 – у А.А. Чижевского), каждый из названных исследователей пользуется не одним и тем же исходным материалом: первый не использует материалы Ананьинского, Зуевского, Котловского, Релка, Луговского, Скородум могильников, второй – Оханского, Першинского, Залазнинского). Ни тот, ни другой автор не используют материалы могильника Таш-Елга⁴.

Поскольку нас прежде всего интересуют памятники АКШК, начну с характеристики имеющейся источниковой базы. Погребальный обряд рассматриваемой культуры представлен девятью могильниками: Ананьинским, Залазнинским, Зуевским, Котловским, Луговским, Оханским, Першинским, Скородум и Таш-Елга (рис. 1). Большинство из них опубликованы, кроме Залазнинского, Першинского и Оханского могильников, которые, будучи исследованы С.Н. Коренюком в 1983–1992 гг., опубликованы им лишь фрагментарно (Коренюк, 2000; 2000а). В общей сложности в указанных могильниках исследовано 252 погребения.

Сложно представить полные размеры Ананьинского могильника, данные о котором неоднократно публиковались и в XIX, и в первой половине XX в. Поэтому, опираясь на сведения А.В. Збруевой, его можно отнести к могильникам, содержащим около 100 погребений (Збруева, 1937, с. 95). Однако из имеющихся публикаций удалось извлечь данные, пригодные для включения в статистические таблицы, лишь по 36 погребениям (Алабин, 1860; Пономарев, 1892; Нефедов, 1899; Збруева, 1937). Аналогичным образом из Котлов-

ского могильника в статистический анализ были включены шесть погребений (Нефедов, 1899а, с. 55–56), Зуевского – 204 погребения (Худяков, 1933).

Довольно крупным по количеству погребений является Луговской могильник. По данным А.В. Збруевой, исследовавшей могильник в 1938–1940 гг., П.П. Ефименко 1943 г. и К.И. Корепанова 1985 г., сейчас на памятнике исследованы 89 погребений (Збруева, 1960, с. 74; Корепанов, 2001). Однако использовать в статистическом анализе можно только данные из публикации А.В. Збруевой, поскольку К.И. Корепанов все свое внимание сконцентрировал на социальной и мировоззренческой интерпретации полученных им материалов⁵.

Наконец, около 30 погребений, по-видимому, содержал могильник Таш-Елга (но морфологические данные были зафиксированы только для 17 погребений) (Иванов и др., 2018) и четыре погребения были исследованы О.Н. Бадером на могильнике Скородум, хотя сам исследователь допускал, что там могло быть минимум девять погребений (Бадер, 1960, с. 135–137).

Таким образом, для статистического анализа мы имеем данные по 585 погребениям АКШК, что означает нижний порог представительности признака 0,7% при критерии значимости = 0,95 или 0,5% при критерии значимости = 0,9 (Генинг и др., 1990, с. 64). Увеличение эмпирических данных по погребальному обряду АКШК по сравнению с опубликованными мною ранее данными (540 погребений) (Иванов, 2017а, с. 177) произошло за счет включения данных по Залазнинскому⁶ и Таш-Елга могильникам и дополнительных сведений по погребениям Ананьинского могильника.

Еще одна сложность в оценке и анализе статистических данных по погребальному обряду АКШК заключается в том, что авторы подобных исследований имеют разные представления о номенклатуре морфологических признаков и их содержании. Напри-

⁵ Хотя планы 11-ти исследованных им погребений опубликовал, но без масштаба и ориентировки (Корепанов, 2001, с. 103–106).

⁶ Напомню, что Залазнинский могильник был исследован С.Н. Коренюком 27 лет тому назад, а я, естественно, не собираюсь публиковать ни одного артефакта и ни одного плана погребений из этого могильника.

⁴ В принципе, я об этом в общих чертах уже писал (Иванов, 2017а, с. 175–177).

мер, по А.А. Чижевскому, такой признак, как погребения в каменных ящиках «выделены на Ананьинском (погр. 23, 39-1, 43, без №1, С и G) и Заозерском могильниках (погр. 8) и относятся к варианту I» (Чижевский, 2008, с. 63). В данном случае, если погребения Ананьинского могильника, описанные П.В. Алабиным, при известном допуске еще могут быть трактованы как «каменные ящики» (к чему, правда, с некоторым скепсисом относился другой исследователь этого памятника – П.А. Пономарев), то погребение №8 Заозерного могильника С.Н. Коренюк – его исследователь – описывает так: «Очертания могильной ямы в черном культурном слое не прослежены, однако, на глубине 0,5–0,6 м от поверхности зафиксированы остатки частичного погребения, оконтуренного по периметру десятью крупными камнями-галечками. Внутри галечниковой выкладки, имеющей диаметр 0,5 м, расчищены остатки зубов человека...» – и относит весь могильник к позднему этапу ерзовской культуры, датируя его концом XI–X вв. до н.э. (Коренюк, 2000а, с. 13–14).

Или: С.Н. Коренюк проводит сравнительно-статистический анализ могильников ананьинского времени Волго-Камья по 135 признакам, не указывая степень представительности этих признаков (Коренюк, 2000, с. 114), а А.А. Чижевский – по 77 признакам, альтернативным и представительным (Чижевский, 2008, с. 111–116). Поэтому по С.Н. Коренюку все три сравниваемых группы ананьинских памятников «очень близки (коэффициент сходства в целом колеблется от 88,0 до 90,1%) и относятся, несомненно, к одной культуре» (Коренюк, 2000, с. 115), а в оценке А.А. Чижевского «...Полученные результаты

свидетельствуют о том, что наибольшее типологическое сходство прослеживается между могильниками постмаклашеевской и аозинской культур. Минимальное сходство наблюдается между погребальным обрядом постмаклашеевских могильников и некрополей АКШК... Полученные данные свидетельствуют о том, что культуры, входящие в состав АКШК, несмотря на наличие у них некоторых общих черт, весьма специфичны и отражают, вероятно, существование разных этнических групп в пределах одной культурно-исторической области» (Чижевский, 2008, с. 85–86).

С номенклатурой признаков у А.А. Чижевского также не все предельно ясно. Так, в качестве одного из признаков исследователь выделяет три типа могильных ям, взяв за основу типологии соотношение длины и ширины ямы, сечение могилы – наклон стенок, наличие ступеней-заплечиков и т.п. – рассматривается им как признак вариантов внутри типа (Чижевский, 2008, с. 13–14). Но не учитывает глубину залегания костяков, что, на мой взгляд, в геоморфологических условиях нашего региона более существенно. Или наличие безинвентарных погребений, которые, применительно к могильникам АКШК, составляют 35,5% всех погребений.

Ниже я предлагаю рассмотреть описательную статистику погребального обряда АКШК, опираясь при этом на памятники, безусловно относящиеся к рассматриваемой культуре по двум основным признакам: территория (бассейн Средней Камы) и присутствие в погребениях керамики, украшенной ямочно-шнуровым орнаментом (таких погребений на рассматриваемой территории набирается более 35%), свою номенклатуру признаков

Таблица 1.

Представительные признаки погребального обряда могильников АКШК Волго-Камья (в %%)

№	Содержание признака	Аозинская	АКГШК	АКШК
Тип, топография и планиграфия могильника				
1	Могильник бескурганый	100	100	100
2	Одновременное поселение не далее 1 км	-	-	36,3
3	Поселение не обнаружено	100	100	63,7
4	Колич-во погреб. менее 10	-	5,5	0,7
5	10-50	14,3	14,7	11,9
6	Более 50-ти	-	79,8	56,9
7	Более 200	85,7	-	34,8
8	Расположение могил рядами	-	100	64,6

Таблица 1.

Представительные признаки погребального обряда
могильников АКЮ Волго-Камья (в %) (продолжение)

9	Расположение могил группами	100	-	29,2
10	Расположение могил бессистемное	-	-	5,4
Конструкция могилы и тип захоронения				
11	Могила простая	90	89	68,2
12	Уступы вдоль стенок	?	?	0,4
13	Глубина могилы до 0,5 м	есть	Есть	47,0
14	Глубина до 1 м	есть	Есть	37,9
15	Глубина до 1,5 м	есть	есть	9,5
16	Глубина могилы более 1,5 м	?	?	0,3
17	Деревянная гробница	1,6	-	0,3
18	Каменный ящик	-	-	0,8
19	Стенки/стенка обложена камнем	0,9	-	0,5
20	«Дом мертвых»	-	8,0	1,5
21	Форма и глубина не установлены	11,3	Есть	18,8
22	Ингумация	56,7	63	93,3
23	Кремация	0,9	-	0,5
24	Следы действия огня	35	31	1,0
25	Кенотаф	1,67	0,94	0,5
26	Скелет в могиле не зафиксирован	58,4	61,5	8,8
27	Одиночное	27,3	71	81,7
28	Парное	3	3	5,8
29	Коллективное	1	-	3,4
30	Мужское	1,2	-	27,1
31	Женское	6,9	-	8,3
32	Детское	-	-	6,0
33	Муж.+Жен.	-	-	1,0
34	Жен+Жен			0,1
35	Жен+Реб			0,1
36	Муж.+Реб.	-	-	0,7
37	Муж+Жен+Реб			0,1
38	Пол не определен	98,5	100	55,5
Ориентировка и поза погребенных				
39	Ногами к реке	44	60	51,3
40	Головой к реке	22	11	10,4
41	Боком к реке	31	25	16,4
42	Ориентировка не определена	58,4	?	21,0
43	Вытянуто на спине	42	46	49,4
44	Скорченные на боку	-	-	0,3-
45	Руки вдоль тела	1	3	10,9
46	Руки на тазе	1,9	-	2,9
47	Череп повернут налево	?	?	1,0

48	Череп повернут направо	?	?	2,2
49	Череп отсутствует	-?	?	0,7
50	Череп захоронен отдельно	-	-	1,0
51	Поза не установлена	78,0	48,9	49,0
52	Кенотаф	39,0	22,0	0,5-
Внутримогильные конструкции и следы ритуала				
53	Дощатая рама	1,6	-	2,4
54	Дощатый гроб	-	-	0,3
55	Деревян. настил	-	-	2,2
56	Завернут в бересту	-	-	2,7
57	Жертвенная пища в заполнении могилы	1	5	2,7
58	Жертв. пища в изголовье			6,0
59	Жертв. пища у ног			2,9
60	Жертвен. комплекс	1,07	-	1,3
61	Сосуд в заполнении	-	-	1,3
62	Сосуд в изголовье	-	9	27,7
63	Сосуд у ног	-		4,7
64	Сосуд у живота	-		1,5
65	Угли в могиле	35,8	-	12,3
Ассортимент сопровождающего инвентаря				
66	Детали сбруи	0,88	-	0,8
67	Наконечники стрел	9	5	14,2
68	Кинжал	3	-	2,7
69	Копье	8	12	10,9
70	Кельт	25	34	19,3
71	Чекан	-	-	3,4
72	Пряжка	-	-	0,9
73	Поясные накладки	-	-	0,5
74	Серьга	3	7	5,0
75	Перстень	-	-	1,5
76	Браслет	0,7	-	1,7
77	Гривна	7	7	3,9
78	Несколько бусин	?	?	1,7
79	Ожерелье	5	7	2,9
80	Пронизки	-	-	6,1
81	Обоймы	-	-	2,2
82	Круглая бляха (головной убор)	2	17	15,5
83	Нагрудник	-	-	0,1
84	Зеркало	0,9	-	-
85	Нож	28	31	13,8
86	Осенок	1,6	8	2,0
87	Шило	-	-	1,0
88	Напрясло	2,4	-	1,0
89	Без вещей	31,4	31,8	35,5
Всего погребений**		564 (0,7%)	129 (3%)	574 (0,7%)

**Количество погребений аозинской и АКГШК взяты из монографии А.А.Чижевского. В скобках указан нижний порог значимости признака при критерии значимости = 0,95.

погребального обряда могильников АКШК я пытался максимально приблизить к номенклатуре, разработанной А.А. Чижевским (номенклатура С.Н. Коренюка мне осталась неизвестной), с тем, чтобы понять, насколько совпадает наше видение проблемы культурного соотношения АКШК с другими культурами АКИО. Поэтому некоторые признаки я «округлил». Например, в моей номенклатуре учитывались положение рук погребенного (обе согнуты или одна), местонахождение остатков жертвенной пищи (кости животных) и глиняных сосудов относительно человеческого скелета, материал, из которого изготавливались наконечники стрел и т.п. Но введены такие признаки, как размеры могильников и их местонахождение относительно синхронных поселений. Последнее мне представляется достаточно важным: абсолютное большинство погребений АКШК – 56,9% – происходит из могильников, вблизи которых крупные ананьинские поселения не выявлены. И, как правило, это «средние» по размерам могильники, количество погребений в которых более 50, но менее 200 (Ананьинский, Луговской, Першинский, Оханский). Факт, который нуждается в специальном осмыслении.

Полная описательная статистика погребального обряда АКШК приведена в табл. 1. Признаки, не представительные для имеющейся выборки, выделены полужирным курсивом. В колонках Акозино и АКГШК приведены значения представительных

признаков, взятые из таблицы, опубликованной А.А. Чижевским (2008, с. 111–113, табл. 23). Собственно говоря, отличительными признаками погребального обряда АКШК в контексте других культур, составляющих АКИО, являются: 36,3% погребений происходят из могильников, расположенных неподалеку от синхронного поселения (Зуевский, Скородум, Таш-Елга); планиграфия 5,4% могил не обнаруживает какой-либо системы (это Ананьинский могильник, из описаний которого невозможно понять расположение могил относительно друг друга); захоронение в каменном ящике (это все тот же Ананьинский могильник по раскопкам П.А. Пономарева и, возможно, П.В. Алабина); абсолютное преобладание ингумации как способа захоронения (93,3%); наличие в могилах конструкций из дерева и бересты (в общей сложности – 7,6%); помещение жертвенной пищи и глиняного сосуда в изголовье могилы; более частое нахождение в могилах наконечников стрел (преобладают бронзовые – 9,5%) (табл. 1).

Вычисление коэффициента формально-типологического сходства (СЗ) между могильниками акозинской культуры, АКГШК и АКШК никаких неожиданных результатов не дало. Значения коэффициента СЗ оказались близки тем, которые ранее были получены А.А. Чижевским и автором этих строк (Чижевский, 2008, с. 113, табл. 24; Иванов, 2018, с. 182, табл. 2), и выглядят так: акозин-

Таблица 2.

Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда культур АКИО Волго-Камья

№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака		
			Акозинская	АКГШК	АКШК
Тип, топография и планиграфия могильника					
1	Могильник бескурганный	100	1	1	1
2	Одновременное поселение не далее 1 км	12,1	-	-	3
3	Поселение не обнаружено	87,9	1,22	1,22	63,7
4	Колич-во погреб. менее 10	2,06	-	2,6	0,33
5	10-50	13,6	1,05	1,08	0,87
6	Более 50-ти	45,5	-	1,75	1,25
7	Более 200	40,1	2,1	-	0,86
8	Расположение могил рядами	54,8	-	1,8	1,17
9	Расположение могил группами	43	2,3	-	0,67
10	Расположение могил бессистемное	18,2	-	-	3

Конструкция могилы и тип захоронения					
11	Могила простая	82,4	1,09	1,08	0,82
12	Деревянная гробница	0,53	3	-	-
13	Каменный ящик	0,26	-	-	3
14	«Дом мертвых»	3,1	-	2,58	0,48
15	Форма и глубина не установлены		11,3	Есть	18,8
15	Ингумация	71	0,8	0,88	1,3
17	Кремация	0,3	3	-	-
18	Следы действия огня	22,3	1,56	1,39	0,04
19	Скелет в могиле не зафиксирован	42,9	1,36	1,4	0,2
20	Одиночное	60	0,45	1,18	1,3
21	Парное	3,9	0,77	0,77	1,48
22	Коллективное	1,46	0,68	-	2,3
Ориентировка и поза погребенных					
23	Ногами к реке	51,7	0,85	1,16	0,99
24	Головой к реке	14,4	1,52	0,76	0,72
25	Боком к реке	24,1	1,28	1,03	0,68
26	Ориентировка не определена		58,4	?	21,0
27	Вытянуто на спине	45,8	0,91	1,0	1,07
28	Скорченные на боку		-	-	-
29	Руки вдоль тела	4,9	0,2	0,61	2,22
30	Руки на тазе	1,6	1,18	-	1,8
31	Череп захоронен отдельно	0,33	-	-	3,0
32	Поза не установлена	58,6	1,33	0,83	0,83
33	Кенотаф	20,3	1,92	1,08	-
Внутримогильные конструкции и следы ритуала					
34	Дощатая рама	1,33	1,2	-	1,8
35	Деревян. настил	0,73	-	-	3
36	Завернут в бересту	0,9	-	-	3
37	Жертвенная пища	8,03	0,12	0,62	1,5
38	Сосуд в могиле	14,7	-	0,61	2,39
39	Угли в могиле	16	2,2	-	0,76
Ассортимент сопровождающего инвентаря					
40	Наконечники стрел	9,4	0,95	0,53	1,5
41	Кинжал	1,9	1,57	-	1,42
42	Копье	10,3	0,77	1,16	1,05
43	Кельт	26,1	0,95	1,3	0,74
44	Чекан	1,13	-	-	3
45	Пряжка	0,3	-	-	3
46	Серьга	5	0,6	1,4	1
47	Перстень	0,5	-	-	3
48	Браслет	0,8	0,87	-	2,1
49	Гривна	5,9	1,18	1,18	0,66
50	Ожерелье	4,9	1,02	1,42	0,59
51	Пронизки	2,03	-	-	3

Таблица 2.

Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда культур АКШК и АКГШК Волго-Камья (продолжение)

52	Обоймы	0,7	-	-	3
53	Круглая бляха (головной убор)	11,5	0,17	1,47	1,3
54	Зеркало	0,3	3	-	-
55	Нож	24,2	1,15	1,28	0,57
56	Осенок	3,8	0,42	2,1	0,52
57	Шило	0,33	-	-	3
58	Напрясло	1,3	1,84	-	0,76
59	Без вещей	32,9	0,95	0,96	1,07

ская – АКГШК = 0,52; аказинская – АКШК = 0,55; АКГШК – АКШК = 0,53. То есть, они оказываются равноудаленными друг от друга.

Следующий этап – выявление тенденции представительных признаков погребального обряда рассматриваемых культур – также не принес никаких сюрпризов (табл. 2).

Здесь мы также не обнаруживаем ничего, выходящего за пределы уже сложившихся представлений: всеобщие признаки (обозначены обычным шрифтом) – бескуранные могильники, состоящие из простых могил глубиной до 50 см; труположение (ингумация) вытянуто на спине ногами к реке (табл. 2). Для сравнения – у А.А. Чижевского: «К всеобщим, то есть интегрирующим, признакам относят элементы погребального памятника с тенденцией 0,6–1,4. В нашем случае всеобщими являются следующие признаки: ямы типа I, обряд ингумации погребенных, вытянутые на спине костяки, ориентированные ногами к реке, и погребения в бескуранных могильниках» (Чижевский, 2008, с. 85).

Следует отметить, что А.А. Чижевский ко всеобщим признакам относит признаки с тенденцией от 0,6 до 1,4. В этом случае список таких признаков из нашей таблицы дополняется такими признаками, как парное захоронение, ориентировка головой к реке, не установленная поза погребенного (костяк не сохранился), наличие в могиле копья, кельта, серьги, гривны, ожерелья (табл. 2). То есть, ничего принципиально нового мы здесь не получаем.

Локальные признаки – это признаки, либо вообще не встречающиеся в третьей из сравниваемых (в нашем случае) групп, либо встречающиеся, но с большим отрывом. Для АКШК (она нас интересует в первую очередь) и АКГШК таковыми являются: могильники,

состоящие из 50–200 погребений (средние), расположение могил рядами, одиночные захоронения, наличие среди вещей круглой литой бляхи (украшение головного убора).

Для АКШК и Аказинской культуры – положение кистей рук на тазе или животе, наконечники стрел и кинжал среди погребального инвентаря.

И наконец, частные (или этнографические) признаки (в табл. 2 выделены полужирным курсивом) уже перечислены выше.

Итак, резюмируем. По имеющимся материалам, погребальный обряд АКШК это: захоронения в бескуранных могильниках, «средних» по своему размеру (от 50 до 200 захоронений), могилы расположены рядами, из них более 36% погребений происходит из могильников, расположенных вблизи ананьинских поселений, преобладают простые могилы (68,2%), неглубокие, до 50 см от современной поверхности (47%); способ захоронения – ингумация. Погребения, как правило, одиночные, среди них, по определению исследователей памятников, 27,1% – мужские, 8,3% – женские и 6% – детские. Абсолютно преобладает ориентировка погребенных ногами к реке (51,3%), хотя ориентировка головой к реке или вдоль течения реки тоже имеет место (10,4% и 16,4% соответственно). Кроме того, у значительного количества погребенных определить ориентировку невозможно (21%). Так же, как невозможно установить позу у почти половины погребенных (49%). Последние факты, на мой взгляд, объясняются геоморфологическими условиями: мелкие могилы, лесные почвы. Тем более, что почти в 9% могил следы костяков вообще отсутствуют, хотя вещи там найдены. Конечно, отличительной особенностью погребений АКШК является наличие в могиле глиняных

сосудов (в общей сложности 35,2%), из которых в 27,7% погребений сосуды помещены в изголовье могилы. Из ассортимента погребального инвентаря АКШК отличает более частое наличие наконечников стрел (14,2% погребений, из которых преобладают бронзовые (9,5%) и костяные (3,9%)). Экстравагантные признаки обряда, типа каменного ящика, «дома мертвых» или отдельного захоронения голов (черепов), в могильниках АКШК тоже имеют место, но единичными случаями и не повсеместно (рис. 2).

Одним словом, та морфология погребального обряда АКШК, которая была опубликована А.А. Чижевским на несколько ином (в плане объема) материале и с несколько иным подходом к номенклатуре признаков (Чижевский, 2008, с. 84) полностью подтверждается.

В силу специфики источниковой базы АКИО выделение ее локальных вариантов проводилось и проводится в основном по керамическому материалу. Сравнительно-типологическому анализу керамики АКИО посвящено немало исследований, через которые красной нитью проходит мысль о том, что основным признаком, указывающим на принадлежность сравниваемых вариантов к единой АКИО, являются сосуды с ямочно-шнуровой орнаментацией, удельный вес которых в локальных керамических комплексах заметно различается.

Для того, чтобы это проиллюстрировать, необходимо дать суммарную характеристику керамики каждого из выделенных вариантов, имея, конечно, в виду, что полученные результаты будут адекватны только объему имеющихся для каждого варианта выборок.

Керамика раннеананьинского нижнекамского I варианта (Кама 1) представлена коллекцией городища Гремячий Ключ и поселения Курган (в общей сложности 791 сосуд, что позволяет установить нижний порог представительности не ниже 0,5%). Это сосуды с вертикальными (52,5%) или отогнутыми наружу шейками (40,3%), сосуды с закрытыми шейками имеются, но в очень незначительном количестве (2,8%). Преобладают сосуды низкогогорлые (39,6%) или среднегорлые (45,6%), высокогорлых сосудов очень мало (10,4%). Сосуды слабопрофилированные: преобладают со слабовыпуклыми (57%) или средневыпуклыми плечиками (39,6%). Орнамент располагается преимущественно по шейке (91,3%), но есть немного сосу-

дов, ориентированных по шейке и плечикам (8,7%). Преобладает орнамент в виде пояска круглых ямок по шейке (38,5%), затем – орнамент в виде овальных или каплевидных вдавлений (25,9%), ямочно-шнуровой (21,3%) и ямочно-гребенчатый орнамент (13,3%) (Марков, 1987).

Раннеананьинская керамика нижнекамского варианта II (Кама 2) наиболее полно и детально представлена в материалах городища Каменный Лог, обработанных Л.И. Ашихминой. Сосуды раннего горизонта – 83 экз.⁷ – низкогогорлые (41,3%) или среднегорлые (56,5%), в основном с вертикальными (73,9%), слегка (17,4%) или сильно (8,7%) отогнутыми наружу шейками, главным образом, со средневыпуклыми (61,3%) или сильновыпуклыми (29%) плечиками, сосуды со слабовыпуклыми плечиками также встречаются, но значительно реже (9,7%). Орнамент располагается в основном по шейке и плечикам (83,1%) и состоит из парных или тройных горизонтальных отрисков шнура (31,5% и 41,1% соответственно), парных волнистых отрисков шнура (6,7%), косых коротких шнуровых отрисков (4,6%)⁸. (Ашихмина, 1977, табл. 3, 10, 11). Все они обязательно сочетаются с пояском круглых ямок по шейке.

По указателям угла наклона шейки (ФГ) и угла наклона плечика (ФЖ) Л.И. Ашихмина керамику городища Каменный Лог разделила на семь типов и выявила тенденцию их развития во времени его существования. По данным исследовательницы, в третьем (раннеананьинском) слое городища повышенную тенденцию обнаруживают сосуды двух типов: со слегка отогнутой наружу шейкой и сильновыпуклым плечиком (тип III) и с сильно отогнутой шейкой и средневыпуклым плечиком (тип V). Близкий к норме показатель обнаруживают сосуды со слегка отогнутой шейкой и средневыпуклым плечиком (тип II) (Ашихмина, 1977, табл. 8). Именно эти типы и следует считать характерными для нижнекамского раннеананьинского керамического комплекса.

⁷ Что по законам математической статистики означает нижний порог значимости не менее 5%.

⁸ Имеются и другие элементы орнамента – многорядные отриски шнура, волнистые, чередующиеся с горизонтальными, строенные косые отриски различных наклонов, решетка и др. – но они по частоте встречаемости не являются для рассматриваемой выборки представительными.

Наиболее полное представление о материале раннеананьинских поселений нижебельского варианта (Белая) дает коллекция Бирского поселения, Зуево-Ключевского и Каменный Лог городищ, Быргындинского и Икского I поселений, опубликованных В.Н. Марковым и Л.И. Ашихминой. В общей сложности получилась случайная выборка из фрагментов от 61 сосуда, на которых можно проследить параметры, необходимые для воссоздания хотя бы частичной их морфологии. При критерии значимости 0,9 нижний порог значимости признака = 4%. Описательная статистика керамики АКШК выражается в следующих морфологических признаках: 52,3% – сосуды с диаметром по венчику 20–25 см, из которых 16,4% имеют диаметр 20 см, 14,7% – диаметр 25 см, сосуды в основном низкороткие (71,2%), но из них 42,4% имеют указатель ФБ = 1,2–1,5, сосуды все без исключения широкогорлые, но преобладают (66,5%) сосуды с указателем ФВ = 0,88–1,0. По указателю профилировки шейки ФГ 13% рассматриваемых сосудов закрытые, то есть имеют шейку, наклоненную внутрь, 29,5% имеют прямую шейку (ФГ = 0), но преобладают сосуды со слабопрофилированной шейкой – 37,5% (ФГ = 0,1–0,25), встречаются сосуды со среднепрофилированной шейкой – 6,5% (ФГ > 0,3), степень выпуклости плечиков на сосудах АКШК незначительная: 23,4% сосудов имеют очень слабовыпуклые плечики (ФЖ = 0–0,25), преобладают сосуды со слабовыпуклыми плечиками – 36% (ФЖ = 0,33–0,5), остальные – со средневыпуклыми плечиками (табл. 1). Расположение орнамента на сосудах АКШК – венчик+шейка+плечико (11,5%), венчик+шейка (3,2%), шейка+плечико (18%), только шейка (67,3%). Он состоит из горизонтальных отрисков шнура (88,5%), выполненной шнуром же косой сетки (27,8%), отриска шнура в виде горизонтального зигзага (21,3%), коротких косых отрисков шнура (19,6%), заштрихованных треугольников (11,4%), рядов косых насечек или клиновидных вдавлений (6,5%), горизонтальной «елочки» (4,9%) и «лесенки» (3,3%) (рис. 4: 5, 6, 8, 9; табл. 1).

Все из перечисленных элементов орнамента представлены в сочетании с ямочными вдавлениями, расположенными в виде ряда (46%), сгруппированными по три (24,6%), по две (19,6%) или гроздьями (9,8%) (Иванов, Чичко, 2019, с. 130).

По формам и сюжетам орнаментации керамика Бирского поселения, равно как и других раннеананьинских памятников бассейна р. Белой (поселения Новобиктовское, Андреевское, Тартышевское I), полностью идентична керамике раннеананьинских поселений Прикамья, таких как Каракулинская стоянка (Генинг, Стоянов, 1961, рис. 7: 5–8), поселение Еловское (Шокшуев, 1972, рис. 4).

Представление об ананьинской керамике вятского варианта (Вятка) дает нам материал Аргыжского городища, обработанный Е.М. Черных, В.В. Ванчиковым и В.А. Шаталовым, и Белоглазовского городища в обработке В.Н. Маркова. Раннеананьинская керамика Аргыжского городища (РА – по номенклатуре исследователей) представлена 386 сосудами⁹, среди которых по профилировке шейки выделяются сосуды двух типов: с прямой (вертикальной) шейкой – 44,6% и шейкой, отогнутой наружу – 42%. Остальные 13,4% – это, очевидно, непрофилированные или слабопрофилированные чашки небольших размеров, которые найдены «в небольшом количестве». (Черных и др., 2002, с. 29).

По результатам корреляции указателей ФГ и ФЖ исследователи делят раннеананьинскую керамику на четыре типа: 1 – с короткой вертикальной шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (20,8%); 2 – с высокой вертикальной шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (23,8%); 3 – с короткой отогнутой наружу шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (14,6%); 4 – с высокой, отогнутой наружу шейкой, слабо- или среднераздутым туловом (27,4%) (Черных и др., 2002, с. 29). То есть, различаются раннеананьинские сосуды Аргыжского городища по степени профилировки шейки и ее высоте.

Орнаментированы практически все сосуды, орнамент расположен по шейке (31%) или шейке и плечу (59,4%). В своем исследовании Е.М. Черных, В.В. Ванчиков и В.А. Шаталов по наружному оформлению горловины раннеананьинских сосудов разделили их на «гладкую» и «воротничковую» и, соответственно, мотивы орнаментации рассматривали по этим культурно-типологическим группам (КТГ)¹⁰. В итоге ими были выделены 12 технико-орнаментальных групп, четыре из которых – ямочно-гребенчато-шнуровая, ямоч-

⁹ Что дает нам нижний порог значимости не менее 1%.

¹⁰ В терминологии названных исследователей.

но-гребенчатая, ямочная и ямочно-шнуровая – определены как массовые (Черных и др., 2002, с. 28–30; табл. 8). Мы объединили абсолютные количественные показатели выделенных КТГ и получили совершенно такие же результаты, согласно которым в раннеананьинской керамике Аргыжского городища абсолютно преобладают (35,5%) сосуды, украшенные пояском ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура и оттисками гребенчатого штампа в виде косых отрезков, «сетки», горизонтальной «елочки» или парного зигзага. Затем по частоте встречаемости следуют сосуды, украшенные пояском ямок в сочетании с разнообразными оттисками гребенчатого штампа (26,6%), просто рядом ямок по шейке (15%) и ямками в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура (9,1%). Все остальные орнаментальные композиции встречаются с большим «отрывом» от перечисленных (частота встречаемости от 0,2% до 3%).

Раннеананьинский керамический комплекс Белоглазовского городища составляют 206 сосудов¹¹, по степени отгиба шейки разделяющиеся на два типа: с вертикальным или слабо отогнутым горлом (65,1%) и сильно отогнутым горлом (34,9%). По указателям высоты шейки каждый из типов делится на три группы: с низким, средним и высоким горлом. Абсолютно преобладают (59,2%) сосуды низкогогорлые, затем по частоте встречаемости следуют сосуды с горловиной средней высоты (35,5%) и реже всего встречаются высокогорлые сосуды (5,3%) (Марков, 1988, с.93; табл.1). То есть, если сравнивать по данному показателю керамику Белоглазовского и Аргыжского городищ, то последняя отличается преобладанием сосудов с высокой горловиной.

Орнамент на сосудах располагается по шейке и плечу (77,7%) реже – только по шейке (20,8%) и состоит из тех же элементов, что и на керамике Аргыжского городища, а именно – из пояса ямок в сочетании с оттисками гребенчатого штампа (36,9%), ямок в сочетании с горизонтальными оттисками шнура и разнообразными оттисками зубчатого штампа (20,4%), просто пояса круглых ямок (19,5%) и пояса ямок в сочетании с оттисками многорядного шнура (9,8%). Все другие элементы орнамента – просто оттиски шнура, ямки в сочетании с фигурными вдав-

лениями – хотя и встречаются, но не являются представительными (Марков, 1988, табл. V).

На основании результатов сравнительного анализа керамики Белоглазовского и Аргыжского городищ В.Н. Марков пришел к выводу об их хронологической близости (сосуществовании) (Марков, 1988, с. 96), с чем невозможно не согласиться. Следовательно, на основании данных по двум рассмотренным комплексам мы можем дать суммарную характеристику раннеананьинской керамики вятского варианта (в общей сложности – 539 сосудов, что означает нижний порог значимости = 0,7%), которая выражается в следующих морфологических признаках: сосуды с вертикальными (56,7%) или отогнутыми наружу (43,2%) шейками, в основном низкогогорлые (47,8%) или высокогорлые (38,6%), хотя имеются и сосуды с шейкой средней высоты (13,5%); орнамент расположен по верхней части сосудов: по шейке и плечикам (70,6%) или только по шейке (29,4%) и состоит из пояса круглых ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура и различных оттисков гребенчатого штампа (33,2%), пояса ямок и оттисков гребенчатого штампа в виде косых отрезков, зигзагов, горизонтальной «елочки», «сетки» (32,3%), просто пояса круглых ямок (17,7%), пояса ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура (10%). Все остальные виды орнамента, как, например, только оттиски шнура (2,1%) или только оттиски гребенчатого штампа (0,7%), или ямки в сочетании с оттисками гребенчатого штампа (1,1%) хотя и являются представительными, но не могут считаться определяющими для рассматриваемой выборки.

Наиболее выразительную коллекцию раннеананьинской керамики среднекамского варианта (Кама 3) дает нам Заюрчимское VI поселение, исследованное В.П. Денисовым (Денисов, 1968). В обработку были взяты фрагменты 73 сосудов, содержащие информацию о метрических параметрах, форме, степени и характере орнаментации сосудов. Это дает нам нижний порог представительности = 5%. Сосуды в основном низкогогорлые (91,8%), хотя встречаются и среднегорлые (8,2%). Преобладают с вертикальной шейкой (50,7%), но имеются с закрытыми шейками (26%) и шейками, отогнутыми наружу (23,3%), среди последних слабопрофилированные и среднепрофилированные сосуды

¹¹ Нижний порог представительности = 2%.

представлены поровну (соответственно, 11% и 12,3%). Орнамент располагается по верхней части сосудов – по шейке (38,3%) или шейке и плечикам (49,3%). Значительно реже встречаются сосуды, орнаментированные по венчику и шейке (6,8%) и по венчику, шейке и плечикам (5,6%).

По данным В.П. Денисова (обработано 316 сосудов), преобладает ямочно-шнуровой орнамент (поясок ямок в сочетании с горизонтальными оттисками многорядного шнура) (57,9%), ямочно-шнуровой в сочетании с оттисками гребенчатого штампа в виде горизонтальных линий, зигзагов, сетки (13,4%),

ямочно-шнуровой и линейный (ряды шнура чередуются с горизонтальными прочерченными линиями) (9,2%), ямочно-шнуровой в сочетании с отпечатками отступающей лопаточки (8,3%). Все остальные сочетания орнаментальных мотивов (косая сетка, заштрихованные треугольники, косые оттиски гребенчатого штампа, зигзаги в сочетании с косыми оттисками и т.п.) хотя и встречаются, но в очень незначительном количестве (Денисов, 1968, табл. 1).

По 18 альтернативным морфологическим признакам (табл. 1) устанавливаем коэффициенты формально-типологическо-

Таблица 3.
Морфологические признаки раннеананьинской керамики Прикамья (в %%)

	Содержание признака	Локальные варианты				
		Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятский	Бельский
1	Шейка вертикальная	52,5	73,9	50,7	56,7	29,5
2	Шейка отогнутая	40,3	26,1	23,3	43,2	44
3	Шейка закрытая	2,8	-	26	-	13
4	Сосуды низкогорлые	39,6	41,3	91,8	47,8	71,2
5	среднегорлые	45,6	56,5	8,2	13,5	28,8
6	высокогорлые	10,4	-	-	38,6	-
7	Плечики слабовыпуклые	57	9,7	46,5	X	59,4
8	Средневыпуклые	39,6	61,3	21,9	-	40,6
9	Сильновыпуклые	-	29	5,4	-	-
10	Орнаментирован венчик+шейка	-	-	6,8	-	-
11	Венчик+шейка+плечики	-	-	5,6	-	11,5
12	шейка	91,3	-	38,3	29,4	67,3
13	Шейка+плечики	8,7	83,1	49,3	70,6	18
14	Орнамент ямочный	38,5	9,6	-	17,7	-
15	Ямочно-шнуровой	21,3	90,4	57,9	10	93,5
16	Ямочно-гребенчатый	13,3	-	-	32,3	-
17	Ямочно-гребенчато-шнуровой	-	-	13,4	33,2	-
18	Вдавления	25,9	-	-	-	-
Всего сосудов:		791	83	73	386	61

го сходства (С2) керамики рассматриваемых локальных вариантов (табл. 2).

При критерии значимости = 0,9 обнаруживается, что выраженную типологическую близость обнаруживают между собой керамика нижнекамского I варианта (Кама 1) с керамикой вятского и бельского вариантов. Последняя, в свою очередь, также обнаружи-

вает типологическую близость с керамикой нижнекамского II (Кама 2) и среднекамского (Кама 3) вариантов. То есть, керамические комплексы, в которых преобладает «классическая» ямочно-шнуровая орнаментация – Кама 1, Кама 2, Кама 3 и Белая – образуют типологический блок, связующим звеном которого выступают бельские комплексы.

Таблица 4.

Коэффициенты степени формально-типологического сходства раннеананьинской керамики Прикамья

	Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятка	Белая
Кама 1	-	0,58	0,48	0,72	0,71
Кама 2		-	0,46	0,46	0,64
Кама 3			-	0,53	0,71
Вятка				-	0,55
Белая					-

Для группировки выделенных локальных вариантов раннеананьинской керамики по характерным морфологическим признакам устанавливаем норму распределения и тенденцию этих признаков (о норме и тенденции признаков см.: Генинг и др., 1990, с. 84–87) (табл. 5).

Таблица 5.

Норма распределения и тенденция признаков раннеананьинской керамики Прикамья

№	Содержание признака	Норма распределения	Тенденция признака				
			Кама 1	Кама 2	Кама 3	Вятский	Бельский
1	Шейка вертикальная	52,6	1,0	1,4	0,96	1,0	0,56
2	Шейка отогнутая	35,3	1,14	0,73	0,65	1,22	1,2
3	Шейка закрытая	8,3	0,33	-	3,13	-	1,5
4	Сосуды низкогорлые	58,3	0,68	0,7	1,57	0,82	1,22
5	среднегорлые	30,5	1,5	1,85	0,27	0,44	0,94
6	высокогорлые	9,8	1,2	-	-	4,28	-
7	Плечики слабовыпуклые	34,5	1,65	0,28	1,34	X	1,7
8	Средневыпуклые	32,7	1,2	1,8	0,67	-	1,24
9	Сильновыпуклые	6,9	-	4,26	0,79	-	-
10	Орнаментирован венчик+шейка	1,36	-	-	5	-	-
11	Венчик+шейка+плечики	3,4	-	-	1,6	-	3,3
12	шейка	45,2	2,01	-	0,84	0,65	1,5
13	Шейка+плечики	45,9	0,19	1,8	1,07	1,5	0,39
14	Орнамент ямочный	13,1	2,93	0,73	-	1,35	-
15	Ямочно-шнуровой	54,6	0,39	1,65	1,06	0,18	1,7
16	Ямочно-гребенчатый	9,1	1,46	-	-	3,54	-
17	Ямочно-гребенчато-шнуровой	9,32	-	-	1,43	3,56	-
18	Вдавления	5,18	5	-	-	-	-

Из приведенной таблицы видно, что признаки всеобщие, то есть в равной степени характерные для всех сравниваемых комплексов, среди них отсутствуют. Зато присутству-

ют признаки локальные, то есть, характерные для нескольких групп памятников, и признаки частные, присущие только одному из рассматриваемых комплексов¹². К ним относятся: сосуды с прямыми (вертикальными) шейками, преобладающие в керамических комплексах Камы и Вятки, но значительно реже встречающиеся на Белой, сосуды с отогнутыми наружу шейками, объединяющие нижекамский I, вятский и бельский варианты, а сосуды закрытые – среднекамский и бельский. И так далее. Но особенно показательны такие признаки, как зона орнаментации (сосуды нижекамского I и бельского вариантов орнаментированы в основном по шейке, а сосуды нижекамского II, среднекамского и вятского вариантов – по шейке и плечикам) и характер орнаментики (ямочный и ямочно-гребенчатый орнаменты – общий признак для сосудов нижекамского I и вятского вариантов, а ямочно-шнуровой – для нижекамского II, среднекамского и бельского вариантов, ямочно-гребенчато-шнуровой – для среднекамского и вятского вариантов).

Итак, результаты сравнительно-статистического анализа керамики локальных вариантов ананьинской КИО вполне определенно подтверждают становящийся теперь уже очевидным вывод В.Н. Маркова об отсутствии в Волго-Камье единой «ананьинской общности» (Марков, 2007, с. 62). И в дальнейшем, на мой взгляд, применительно к рассматриваемым материалам и территории вернее и конструктивнее будет говорить об этнокультурном ареале (ЭКА). По определению Д.Г. Савинова основным признаком и содержанием ЭКА является территория, на которой сложилась определенная этнокультурная общность, составляющие такой общности могут быть представлены «археологическими памятниками, различающимися по деталям погребального обряда, приемам орнаментации керамики и другим наиболее традици-

онным этнокультурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА» (Савинов, 1984, с. 48). ЭКА ананьинского времени в Волго-Камье состоял, таким образом, как минимум, из трех «ананьинских» культур (этнокультурных образований или групп): аозинско-ахмыловской на Средней Волге, вятско-ветлужской (керамика с гребенчато-шнуровой орнаментацией) и прикамской (керамика со сложношнуровой орнаментацией). Каждая из них имела свои генетические корни. Особое место в этой схеме занимает вычегодско-печорский вариант АКИО, отличающийся от камских и вятского вариантов примерно близкими по частоте встречаемости сосудами с ямочно-шнуровой и ямочно-гребенчатой орнаментацией (Иванов, 2017, с. 84).

Согласно существующим точкам зрения (В.С. Патрушев, С.В. Кузьминых), аозинско-ахмыловские памятники генетически восходят к средневожским культурам с так наз. «сетчатой керамикой»; происхождение вятско-ветлужского «ананьина» В.Н. Марков связывал с миграцией сюда части северноприуральского населения – потомков носителей лебяжской культуры (Марков, 2007, с. 56–57). Формирование морфологии керамики вычегодско-печорского варианта требует специального изучения.

И, наконец, – «генеральный вывод»: АКШК Прикамья – это одна из археологических культур, входивших в состав АКИО Волго-Камья в виде ее восточной периферии. Она не имела общих генетических корней с ананьинскими культурами гребенчато-шнуровой и ямочно-гребенчатой керамики Нижней Камы и Вятки.

ЛИТЕРАТУРА

Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 29. № 6. Ч. II. Исследования и материалы. СПб.: Типография В. Безобразова и К^о, 1860. С. 87–120.

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: б/и, 1977. С. 139–166.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. 244 с.

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III / Уч. зап. ПГУ. Т. XII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1960. С. 132–150.

¹² В таблице выделены полужирным шрифтом.

Большов С.В. Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола: МРНКМ, 1988. 34 с.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // Труды IV Уральского археологического совещания / Уч. зап. ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: Изд-во «Звезда», 1967. С. 51–71.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // Второе Уральское археологическое совещание / ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 76–90.

Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV / Уч. зап. ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 49–71.

Збруева А.В. Ананьинский могильник // СА. №2 / Отв. ред. С.Н. Замятин. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 95–111.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. №30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / Отв. ред. А.П. Смирнов / МИА. №80. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 10–95.

Иванов В.А. Сравнительно-типологическая характеристика керамики локальных вариантов ананьинской историко-культурной общности Прикамья и Приуралья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: б/и, 2009. С. 56–63.

Иванов В.А. Керамика «ананьинских типов» в Прикамье и Предуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. №1 (29). Сыктывкар, 2017. С. 82–88.

Иванов В.А. О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Археология евразийских степей. 2017а. № 3. С. 175–182.

Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С. Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 58–69.

Иванов В.А., Чичко Т.В. Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 121–135.

Коренюк С.Н. Некоторые проблемы изучения ананьинской культуры // Российская археология: достижения XX и перспективы научной XXI вв. Мат-лы научной конференции / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: ИД «Удмуртский ун-т», 2000. С. 113–116.

Коренюк С.Н. Новые могильники I тысячелетия до н.э. в Среднем Прикамье // Оборинские чтения: Мат-лы археологических конференций. Вып. 1 / Отв. за вып. С.В. Волегова. Пермь: ПОКМ, 2000а. С. 12–15.

Корепанов К.И. Новые данные о погребальном обряде Луговского могильника // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 97–107.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. и сост. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко. Елабуга: б/и, 2009. С. 29–55.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 год // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3496.

Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 13 / Отв. за вып. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 102–130.

Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 92–113.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1994. С. 48–88.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. Т. III / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Н.Н. Шарапова, 1899. С. 42–47.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // МАВГР. Т. III / Ред. Д.Н. Анучин. М.: Тип. Н.Н. Шарапова, 1899а. С. 48–74, табл. 10–19.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 280 с.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1984. 232 с.

Пономарев П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. Т. X. Вып. 4. Казань: Типо-литогр. Имп. Казан. ун-та, 1892. С. 405–438.

Савинов Д.Г. Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья (вторая половина I тыс. н.э.) // Проблемы археологии степей Евразии: советско-венгерский сборник / Ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1984. С. 46–54.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Худяков М.Г. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2 / Отв. ред. С.Н. Быковский. Л.: ОГИЗ, 1933. С. 5–14.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 13–96.

Шокишев Г.А. Еловское II селище // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Изд-во «Знание», 1972. С. 122–129.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

THE ANANYINO CORDED WARE CULTURE (ACWC) AS A COMPONENT OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL UNITY (ACHU): THE ISSUE OF CORRELATION

V. A. Ivanov

The author presents the results of a statistical analysis of the burial rite and ceramics of the Ananyino corded ware culture (ACWC), the area of which was in the middle basin of the Kama river. The material of all currently known burial grounds of ACWC (9 burial grounds, containing a total of 585 burials) the author provides descriptive statistics of the funeral rite. A comparison of the characteristics of the burial rite of ACWC with signs of the Akozino culture burial ritual the Ananyino culture with comb and corded ware hews that they differ. Similarly, a comparative statistical analysis of pottery and ceramics ACWC with ceramics of other local variants of the Ananyino cultural and historical unity of the Volga-Kama region detects that typological characteristics differ markedly pottery decorated with pit and corded patterns ("classic Ananyino") from the ceramics of the Vyatka and Lower Kama sites. The author makes conclusion that ACWC of the Middle Kama had no genetic ties with the Ananyino culture in the basin of the Vyatka and Lower Kama.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Middle Kama region, the Ananyino culture, descriptive statistics, ceramics, burial ground, funeral rite.

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revolutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

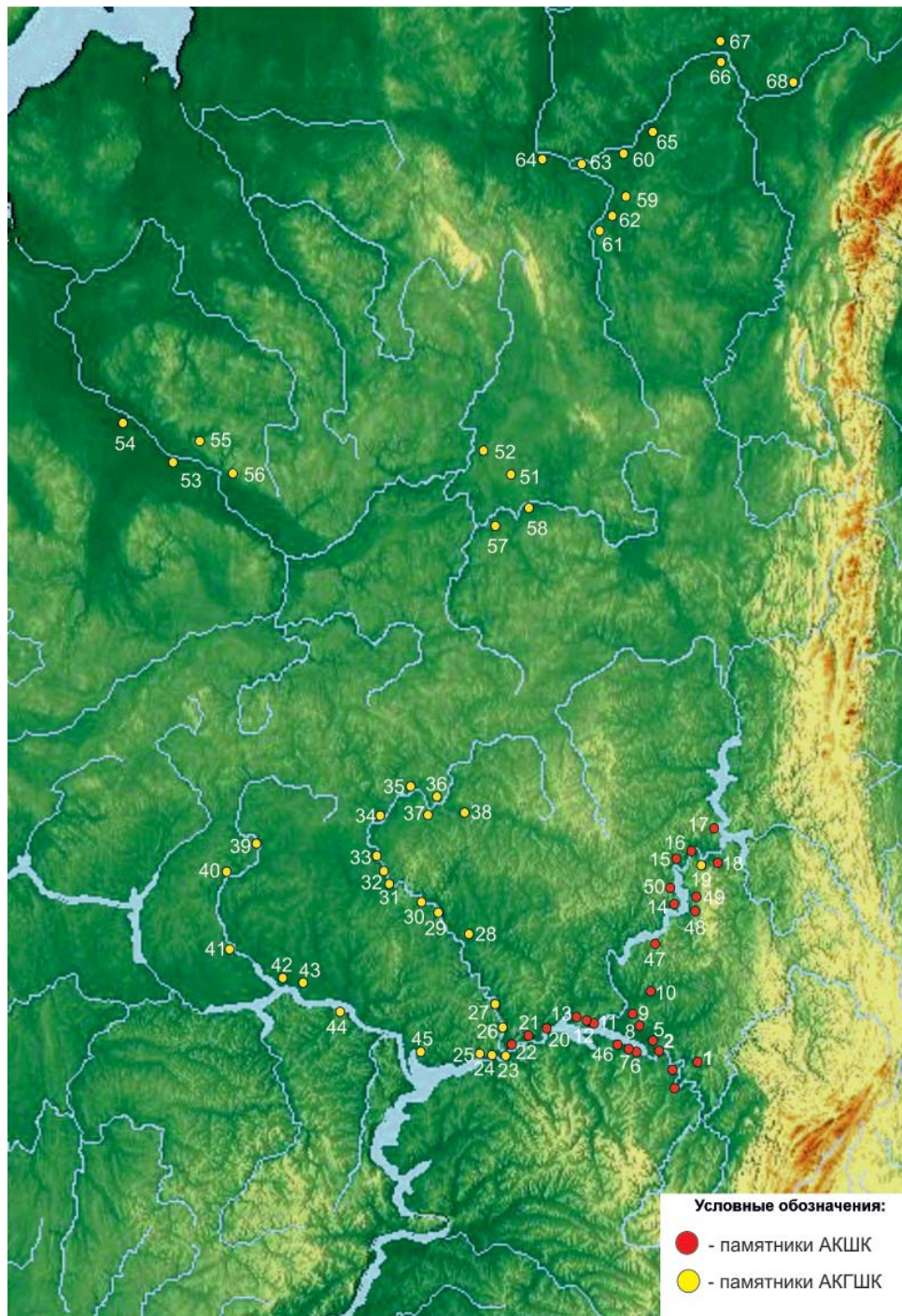
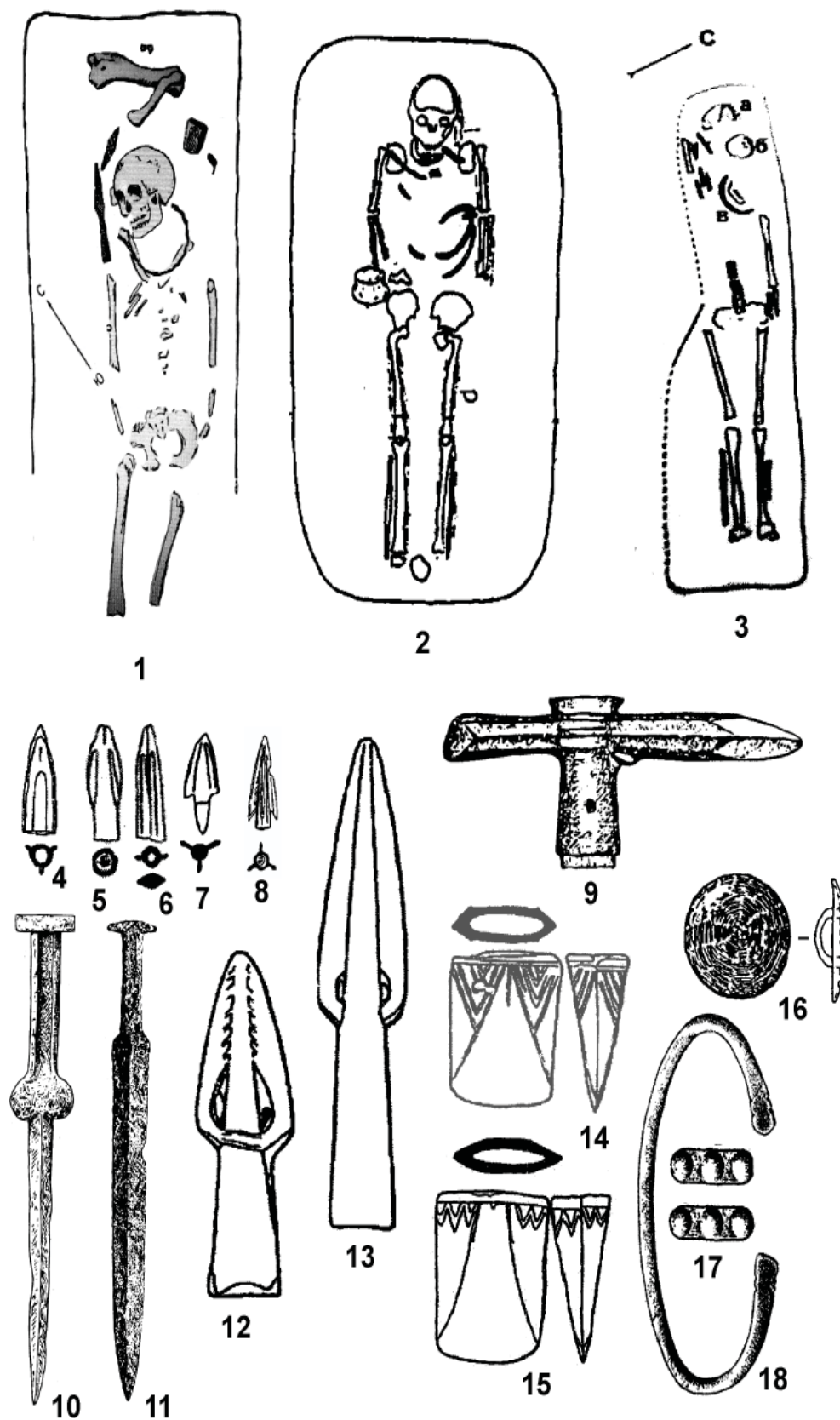

Рис. 1. Карта-схема памятников АКШК Прикамья и Предуралья.

1 – Бирское пос.; 2 – Ново-Биктовское пос.; ...5 – Тра-Тау гор.; 6 – Трикольское гор.; 7 – Аначевское гор.; 8 – Какры-Куль гор. и пос.; 9 – Ново-Кабановское гор.; 10 – Таш-Елга мог.; 11 – Зуевский мог.; 12 – Зуево-Ключевское гор.; 13 – Нырландинское гор.; 14 – Оханский мог.; 15 – Першинский мог.; 16 – Залазинский мог.; 17 – Скородум мог.; 18 – Заюрчимское пос.; 19 – Алтен-Тау гор.; 20 – Луговской мог.; 21 – Ананьинский мог.; 22 – Котловский мог.; 23 – Грохань гор.; 24 – Сухой Берсут гор.; 25 – Черепашьё гор.; 26 – Мамадышское гор.; 27 – Чутайское гор.; 28 – Аргыжское гор.; 29 – Ройский Шихан гор.; 30 – Буйское гор.; 31 – Мальковское гор.; 32 – Лебяжье гор.; 33 – Пижемское гор.; 34 – Скорняковское; 35 – Подрельское I гор.; 36 – Никульчинское гор.; 37 – Чижевское гор.; 38 – Кривоборское гор.; 39 – Одоевское гор.; 40 – Богородское гор.; 41 – Русенихинское гор.; 42 – Ардинское гор.; 43 – Копаньское гор.; 44 – Ельниковское гор.; 45 – Гремячий Ключ гор.; 46 – Петер-Тау; 47 – Еловское пос.; 48 – Гремячанское пос.; 49 – Юго-Камское пос.; 50 – Горюхалихинское гор.; 51 – Вис I, II пос.; 52 – Ягуяр пос.; 53 – Приозерное II пос.; 54 – Сойга пос.; 55 – Кулига II пос.; 56 – Пормогорье пос.; 57 – Шойнаты II, III; 58 – Угдим II, III; 59 – Ластва; 60 – Перный; 61 – Картаель III; 62 – Баля-Ягнюр II, III; 63 – Коршак II; 64 – Шиховское; 65 – Питюяг IV; 66 – Щельябож III; 67 – Щельябож II; 68 – Сынявом.

Рис. 2. Погребальный обряд АКШК по сохранившимся погребениям и наиболее характерные для нее вещи. 1 – Ананьинский могильник (по А.В.Збруевой); 2 – Луговской могильник (по К.И.Корепанову); 3 – могильник Таш-Елга; 4-8 – бронзовые наконечники стрел; 9 – клевец (Зуевский могильник); 10-11 – кинжалы (Зуевский могильник); 12-13 – бронзовые наконечники копий (мог. Таш-Елга); 14-15 – кельты (мог. Таш-Елга); 16 – бронзовая литая бляшка; 17 – поясные накладки; 18 – гривна.

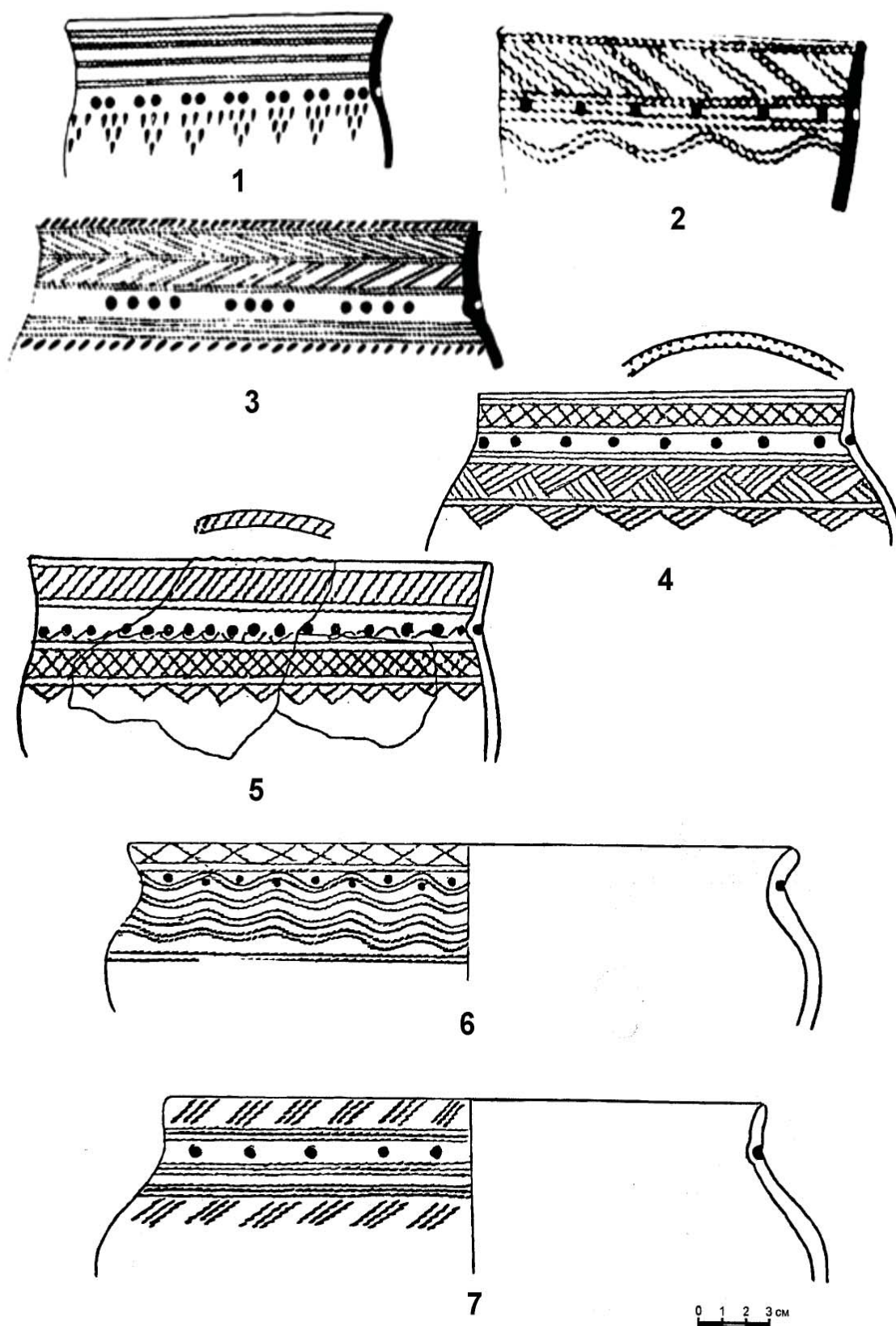

Рис.3. Керамика поселений АКШК Прикамья.